

День рождения императора называется фестивалем Мансу.

В день праздника император принимал поздравления и подарки от всех чиновников. Во время фестиваля запрещен убой скота, в течение нескольких дней до и после фестиваля не применяются наказания, а гражданские и военные чиновники должны носить халаты и мантии из питона в соответствии с правилами. В этот день столичные ремесленники украшают главные улицы красочными картинами и тканями, повсюду поют и танцуют.

С другой стороны, гражданские и военные чиновники повсеместно должны были установить горшки с благовониями и произвести большой салют в направлении столицы.

День рождения Гу Юаньбая пришелся на праздник золотой осени, сезон сбора урожая зерновых. День рождения императора был особенно важен, и как только Гу Юаньбай вместе со своими министрами переехал в летний дворец, в столице начались приготовления ко дню рождения Его Величества.

Когда приходило время праздновать день рождения, даже иностранные посланники приезжали в столицу, чтобы отметить день рождения Гу Юаньбая.

С другой стороны, Его Величество хотел воспользоваться случаем, чтобы поближе познакомиться с иностранными эмиссарами, которые пришли поздравить его.

Что касается дней рождения, то эти договоренности и спецификации были записаны в законе, и весь Дахэн также будет иметь три выходных в день празднования Десятитысячного дня рождения.

Когда день рождения человека был временем радости для всего мира, то не сам человек, празднующий день рождения, решал, что ему делать.

Гу Юаньбай лишь велел спуститься вниз и не быть экстравагантным и расточительным.

Спустя еще несколько дней по двору разнеслась весть о том, что правитель Ли Чжоу был убит разбойниками за то, что не смог с ними бороться.

Известие о том, что правитель Ли Чжоу заставил людей стать бандитами и что он вступил в сговор с бандитами, должно было потрясти сердца людей, поэтому это дело нужно было держать в секрете и не допускать, чтобы о нем стало известно ни слова. Даже министр чиновников, по инициативе которого Гу Юаньбай подал в отставку, думал только о том, что губернатор Ли Чжоу позволил бандитам грабить местных жителей и был коррумпирован, но не знал более глубокой истории.

Только Гу Юаньбай и некоторые из его приближенных знали об этой глубокой информации.

Когда это дошло до ушей судебных чиновников, история приняла другой оборот.

Правитель Ли Чжоу был напуган из-за коррупции и хотел искупить свое преступление заслугами, поэтому он повел своих людей на безрассудную борьбу с бандитами. Вместо этого они были убиты бандитами. Это убийство придворного чиновника настолько раздуло дело, что в конце концов даже гарнизон был мобилизован, и все бандиты на холмах вокруг Ли Чжоу были уничтожены одной сетью.

Некоторые из бандитов были призваны на службу в столицу, где их будут использовать в качестве каторжников для рекультивации одного из самых труднодоступных пустырей в западной части столицы. Главарей бандитов, которые причинили столько страданий Ли Чжоу и близлежащим уездам, просто обезглавили на глазах у жителей Ли Чжоу.

Это было удобно для правителя Ли Чжоу.

Он должен был стать печально известным и навсегда презираемым всеми в истории. Но поскольку совершенное им дело было настолько коварным и ужасным, что потрясло сердца людей и вызвало бунт, с ним пришлось расправиться тайно, а новость распространили публичным заявлением, что "губернатор Ли Чжоу совершил только растрату".

Чем дальше Гу Юаньбай находится в древности, тем больше он чувствует, что история - это маленькая девочка, которая находится во власти других.

Это позорная тряпка в руках тех, кто у власти, и тех, кто победил.

Гу Юаньбай бросил папки, которые держал в руке, где была указана причина смерти правителя Ли Чжоу, на стол, посмотрел на историка рядом с ним и спросил:

— Все ли написано ясно?

Историк кивнул и взял текст, записанный на сегодняшнем утреннем суде, чтобы Гу Юаньбай прочитал, и он был написан четко выше: услышав о деле смерти Ли Чжоу, вздохнув несколько раз, придворная сотня чиновников ненавидит и сожалеет об этом, вздыхая о его коррупции, и сожалеет о его желании искупить свою вину.

— Очень хорошо, - сказал Гу Юаньбай, - вот и все".

Историк почтительно ответил, взял свиток и тихо удалился, готовый переписать это на свиток истории.

Кун Илин, который перевозил группу свободных рабочих обратно в столицу, также собирался добраться до западной части столицы. Гу Юаньбай повернул нефритовый спусковой крючок на своей руке, но как только его рука коснулась его, его движение приостановилось.

Спустя долгое время он спросил:

— Как поживает человек?

Этот неожиданный вопрос смутил Тянь Фушэна. К счастью, он быстро пришел в себя и неуверенно ответил:

— Ваше Величество, из особняка Сюэ не было никаких серьезных беспорядков, и с лордом Сюэ все должно быть в порядке.

— Должно? - Гу Юаньбай нахмурил брови и сказал с беспокойством: — Что значит "должно"?

Холодный пот выступил на висках Тянь Фушэна, и он тут же признал свою ошибку:

— Я пойду и тщательно все разузнаю.

Гу Юаньбай был немного раздражен, он потер виски, подавляя это раздражение:

— Отставить.

Находясь в центре событий в тот день, я чувствовал себя немного странно.

"Теперь, когда я думаю об этом, я боюсь, что повреждения на теле Сюэ Юаня все еще тяжелые. Те странные запахи, которые я почувствовал, боюсь, что это был запах крови".

Если он был серьезно ранен и так долго бегал в грязной воде, не сгнила ли его плоть?

Хорошие люди так сильно обижаются на то, как обращаются с их телом.

Гу Юаньбай откинулся назад.

Его виски вздулись, длинные рукава расплзлись по мягкому креслу, а выражение лица было слегка сырым и холодным.

Если кто-то так себя портил, чтобы подобрать вещь для Гу Юаньбая, то в глазах Гу Юаньбая такой поступок был не глубокой любовью или преданностью, а глупостью.

Человеческая жизнь всегда ценнее всего остального.

Или это то, что имел в виду Сюэ Юань, когда сказал, что будет бороться за свою жизнь?

За нефритовое кольцо?

Через некоторое время Его Величество приказал:

— Вызовите Чан Юйиня.

Зная, что Его Величество вызвал его, Чан Юйинь поспешно поправил свой официальный халат и корону и последовал за евнухом, вызвавшим его, во дворец Его Величества.

Дороги в летнем дворце были извилистыми, а садовое искусство находилось на пике своего развития. Летней жары больше не было, и Чан Юйинь шел до самого Гу Юаньбая, все еще выглядя как свежий и элегантный джентльмен.

— Я выражаю свое почтение Вашему Величеству, - это был второй раз, когда он был вызван один, и Чан Юйинь не мог не чувствовать себя немного нервным, когда он наклонился и поклонился Гу Юаньбаю, — Ваше Величество вызывает меня сюда, чтобы дать мне некоторые инструкции?

Гу Юаньбай поднял глаза от книги и улыбнулся Чан Юйинь:

— Ничего, не надо формальностей, мне просто немного скучно, поэтому я позвал тебя, чтобы ты поговорил со мной.

Чан Юйинь был талантом, который Гу Юаньбай любил и ценил, поэтому он предоставил Чан Юйиню место и установил шахматную доску.

<http://bllate.org/book/15154/1338927>